

ДАВАТЬ – БРАТЬ – семантическая оппозиция, концепты, связанные с верованиями о возможности передачи (или получения) блага вместе с передаваемыми (получаемыми) предметами. Как правило, действие «давать» соотносится с семантикой убывания, ущерба, лишения прибыли, в то время как «брать» означает приумножать, увеличивать, способствовать росту и т. д. Частное проявление концепта «давать» представляют собой поверья, касающиеся одалживания предметов (см. **Давать взаймы**). С понятием «давать – брать» связаны отношения обмена, купли-продажи, дарения (см. **Дар**), **выкупа**, жертвоприношения (см. **Жертва**), вредоносные действия передачи **болезни, бесплодия**; получение магических знаний (см. **Колдун**), порча и т. п.

Существуют определенные правила, регламентирующие время и способы передачи ряда предметов, символизирующих благополучие дома и хозяйства. Если отдаешь из дома пищу (например, хлеб, молоко, сыр и пр.), следует часть оставить себе, чтобы не лишиться всего. Не следует ничего давать (а гостю – брать) в большие праздники, после захода солнца, при начале сельскохозяйственных работ, иначе у хозяев изведется скот или домашняя птица, возникнет недостаток в деньгах и пр. Женщины, которые что-либо берут или просят в канун праздников (например, на Юрьев день) или после захода солнца, считаются в селе ведьмами, поскольку таким образом они забирают себе урожай, «вод» скота, молоко (см. **Отбирание молока, Вестись, плодиться**). Чтобы не навлечь тяжелых последствий, дающие прибегают к оберегам, например, подсаливают молоко, гасят в нем угли, мочат большой палец или рисуют им крестик на печи и т. д.; хлеб никогда не передают через **порог дома**, чтобы из дома не «ушел» достаток (пол.). Особые меры предосторожности соблюдали при передаче (или переносе в свой дом) **огня**: его не давали

никому ни под каким предлогом (серб., Воеводина); не давали в праздники (на Новый год, Пасху, Юрьев день); при необходимости разжечь печь после захода солнца несколько взятых у соседей угольков сначала перекидывали через порог своей хаты, чтобы дети смогли уснуть и не плакали бы в течение ночи (укр., Покутье). Нередко встречается запрет передавать из рук в руки соль, орудия труда (например, серп), которые следовало класть на землю.

Правила общения с пастухом при выпасе коров на Рус. Севере включают запреты подавать ему из рук в руки угощение, деньги (все это кладут на землю), а также и здороваться за руку, чтобы избежать потерь скота.

Опасность может исходить от дома, откуда берут какие-либо вещи, или от особы, которой дают часть своего имущества или продукты питания: нищие, больные приносят вред хозяйству, сами того не желая. Нищим во время отела коровы или рождения ягненка не дают хлеба, полагая, что скот будет разбегаться по селу, как расходятся по селу просящие подаяния (Покутье). Пасечники не дают и не продают больным людям меда, чтобы не погибли пчелы (пол., морав.). Особые предосторожности соблюдаются при контакте с **п о к о й н и к о м**: пока тело находится в хате, соседи не должны ничего брать из этого дома, чтобы не перенести к себе смерть (бел., Могилевская губ.). В сновидениях дать что-либо мертвому означает смерть кого-либо из близких (серб., Фрушка Гора).

Ритуальная **р а з д а ч а** вещей и пищи совершается с целью способствовать благополучию дома, задобрить умерших предков, духов болезни и т. д. (ср., например, поминальную раздачу еды на кладбище, одаривание встречаемых и ритуальное угощение соседей как способ лечения больного в доме). В этих случаях действует запрет отказываться от угощения. Известны и обязательные предписания **о т д а в а т ь** какие-либо вещи, продукты питания,

предметы одежды, деньги, в частности нищим (чтобы способствовать процветанию дома и домохозяев), беременной женщине (с целью избежать ущерба в хозяйстве).

Лит.: Аф.ПВ 1:41–42; Крач.БЗРС:107; Бог.ВТНИ:228; ПА; ГЕМБ 1932/7:88; Шк.ЖОП:131,137; Фил.СК:397; Вак.ЕБ:473; Kolb.DW 31:150–151; Kub.ChTL:133; Świąt.LN:556,561; Olej.ЛТ:135.

А. А. Плотникова

ДАВАТЬ ВЗАЙМЫ — действие, сопряженное с опасностью магической передачи благосостояния и урожая в чужое хозяйство (ср. **Свой — чужой, Внутренний — внешний**), одна из актуализаций концепта **давать — брать**. Чтобы избежать возможных последствий, соблюдалось множество запретов, касающихся времени одалживания и самих передаваемых предметов.

В начале или в первый день полевых работ (пахоты, сева, посадок в огороде) ничего не дают займы из дома (о.-слав.), «бо не будэ урожаю» (ПА, брест.), «бо не буде собе родиць» (ПА, ровен.), урожай или рост овощей перейдет к соседям вместе с одолженными предметами (рус., полес., пол., ю.-слав.). В сербских селах следили за тем, чтобы ничего не давать и не продавать в день выноса из дома зерна для посева. В Пловдивском крае в день сева на изгородь специально вывешивали красный пояс или моток красных ниток, давая соседям знак, что из дома вынесено зерно, поэтому никто не должен просить займы. Белорусы не дают ничего займы в день засева и в день зажина. Во время молотбы не следует давать займы зерно ни из первой, ни из последней порции обмолота (болг. пловдив.). Чтобы дом был богат хлебом, следует первый раз в новой деже месить тесто из одолженной муки (бел. витеб.).

Нельзя ничего Д. в. в день первого выгона скота, особенно молоко (с.-рус., полес.), иначе «обеднеет скот» (с.-рус.). В Словакии (Липтов и Спиш) ничего не давали из дома в день, когда можно было первый раз после отела коровы употреблять в пищу молоко (*deň otvorenia mlieka*), иначе вместе с одолженным предметом из дома «уйдет» молоко. В Силезии хозяйки, опасаясь ведьм, не одалживают парное молоко, а дают его слегка подсоленным.

Ничего не дают займы в день отела (в.-слав., з.-слав.), чтобы не исчезло молоко, не было потерь в скоте (пол.), чтобы не нанесла вред *čarodovnyca* (словац., Горняцко), *колдуха* (с.-рус.). Ведьмы вредят хозяйству также в первый день месяца, на молодом месяце или в канун праздников, когда просят что-либо займы, отбирая тем самым молоко, урожай и пр. (о.-слав.), см. **Отбирание молока**.

Бытовой этикет включает также предписание ничего не давать из дома в день, когда кто-либо из домохозяев отправляется в дальнюю дорогу, чтобы не помешать ему вернуться домой (черногор., Кучи).

В Сочельник, Рождество и на Новый год особенно важно ничего не давать займы (о.-слав.). В закарпатских селах ничего не дают в долг в первый день Нового года, опасаясь, что у хозяина весь год не будет удачи («бо би винесли всьо за рік», Бог.ВТНИ:228). По чешским и словацким поверьям, ничего нельзя одалживать на Рождество; если хозяин даст пастуху половину рождественского пирога, то в течение года его хозяйство будет благополучным только наполовину. В Татрах в Сочельник и на Новый год не одалживают огня (а также угольки из печи, лампу из хлеба), чтобы не вынести из дома счастья (ср. **Свет — тьма**). По поверьям поляков Розадова, в Сочельник не следует ни просить, ни давать ничего займы, «иначе бы целый год все только брали друг у друга в долг» (Gaj.KLR:22). Все, что было отдано в долг в течение года, следует возвратить в дом до Рождества, чтобы «в чужих руках» не осталась удача (серб., босн.), чтобы не быть весь следующий год в долгах (пол. белосток.). У поляков считалось, что возвращение долгов из дома в Сочельник или на Рождество, наоборот, приведет к уходу из дома счастья (Лович, Лодзь).

Болгары не дают ничего займы на св. Варвару, чтобы не лишиться урожая (Родопы), на св. Игната, чтобы не утратить удачу в разведении кур. Чтобы не навредить скоту, гуцулы ничего не дают займы по понедельникам, если на понедельник в этом году приходится Благовещение (день выгона скота). Юж. славяне накануне и в день св. Георгия не дают займы молочные продукты, чтобы ведьмы не отняли молоко у овец и коров. Болгарские хозяйки из окрестностей Пловдива, давая в этот день займы молоко, гасят в нем уголек. Остерегаюсь ведьм в Юрьев день, сербы Косова ничего не давали займы, но старались в этот день что-

нибудь получить, чтобы их хозяйство процветало. Опасаясь порчи со стороны ведьм, ничего не отдают из дома в Страстную пятницу (з.-слав.).

Особенно опасным считается время после захода солнца, с которым соотносят «уход» удачи и достатка из дома, ср. пол.: *ca-łe szczęście zabierze* [все счастье заберет] (Arch KEUW:6). В исторических свидетельствах XVI века отмечается «обычай по заходе солнца ничего не давать из своего дома, ни огня, ни сосуда» (Гальк.БХОЯ:297–298). Считается, что после захода солнца не следует давать займы хлеб, чтобы не лишиться богатства и счастья (пол.), соль, чтобы избежать в доме несчастья (пол., Хелм), соль и дрожжи, чтобы не лишиться урожая (з.-болг., община Самоков), молоко (з.-слав.), яйца (словац., Замагурье), орудия труда и утварь — бердо, сито (полес. ровен.) и др.

Не дают также займы в день появления на свет ребенка (гуцул.); в течение трех дней после родов, иначе ребенок будет слоняться по чужим домам (бел. витеб.); в первые сорок дней после родов, чтобы у ребенка не появилась страсть к кражам (макед., Скопска Котлина) или чтобы у роженицы не пропало грудное молоко (болг., Пловдивский край). Беременная женщина остерегалась брать займы (рус. вологод.) или давать займы (босн.), чтобы ребенок не был бедняком. Вместе с тем беременной женщине не отказывают в просьбе и одалживают любые вещи, иначе они будут потеряны для хозяев: их сърызнут мыши (в.-слав., з.-слав.), уничтожит пожар (бел. витеб.). См. **Беременность**.

В дом, где находится покойник, ничего не дают займы (бел.); из этого дома также не просят ничего займы, чтобы не перенести к себе смерть (бел., пол.).

Опасности при передаче в чужие руки подвергаются орудия труда, особенно ткаческие. Под угрозой пожара, гибели пчел и других несчастий в Полесье не дают займы ни в чужой дом, ни в соседнее село прялку, бердо, веретена, основу, ниты, гребень. Если же какой-нибудь из этих предметов необходимо одолжить, то его покрывают полотном, тряпкой, отрезанными концами основы или обвязывают ниткой, чтобы его никто не сглазил и «спор не потянул» (ПЭС:246). Иголку дают займы с длинной ниткой, чтобы лен был «долгим» (ПА, брест.). См. **Гольи́й**. По поверьям с Витебщины, одалживая иголку, следует уколоть ею просителя, чтобы преду-

предить «укол словом», т. е. избежать оговора, словесной перепалки (Никиф.ППП:80).

Повсеместно соблюдаются запреты на одалживание соли. В зап. Болгарии (окр. Самокова) считается, что данную займы соль следует потребовать обратно на следующий день, чтобы вернуть себе урожай, а человек, взявший соль, заинтересован как можно скорее вернуть ее, чтобы у него не заболели глаза и чтобы хозяева не проклинали его словами: «Както се топи солта, така да се стопиш и ти!» [Как растворяется соль, так раствориться и тебе!] (ИССФ 1948/8–9:249). См. **Соль**.

Мотив одалживания известен в магических действиях, связанных с распознаванием еды. В Покутье, если у коровы пропадает молоко, то обнаруженную в хлеву жабу подвешивают на нитку: тогда наславшая ее женщина приходит в дом просить что-либо займы. Ведьме следует отказать в просьбе, и молоко вернется к корове (Lud 1907/13:227). Подобные магические действия практикуются в разных регионах Польши, в Полесье. В Среме (серб., Воеводина), где распространены поверья о том, что **вештица** ночью душит человека, садясь ему на грудь, считалось, что нужно набраться храбрости и сразу, как только она слезет с груди, крикнуть: «Приходи завтра, получишь соли!» На следующее утро соседка-вештица приходит просить займы соли (Баб.О:82).

Лит.: ЖС 1890/1:119; Никиф.ППП:5,15,80,94; Ром.БС 8:299,309; Бог.ВТНИ:228; Шух.Г 4: 214; ПА; ГЕМБ 1960/22–23:150,152; Нед.ГОС: 19; Дуч.ЖОК:326; СЕЗб 1925/32:109,370; Vuk. SK:398; Фил.СК:373,397,400,413; Вак.ЕБ:473; ЕБ 3:98; Кап.:202; Кол.ГОС:69,75; Пир.:326, 469; Плов.:214,246,269,285,287; ArchKEUW: 4,6,О/30,О/147,С/145,С/148; Gaj.KLR:22,23; Kolb.DW 31:153; Kub.ChTL:133,140; Lud 1907/ 13:116,325, 1910/16:79,80; Świąt.LN:524; ZOZŁ: 25,137; Horn.:289; Olej.ЛТ:135,140,144,146; Zamag.: 255; ČL 1893/2:698–699, 1906/15:136; Nah.ČLP: 83; Vanč.KOJS:14.

А. А. Плотникова

ДАР, дарить — один из универсальных способов регулирования отношений внутри социума (реже между человеком, потусторонними силами и миром природы); ритуализованная передача некоего предмета от одного лица к другому, а также сам этот предмет. Дар заключает в себе представление о благе (до-

бре) и является материализацией этого блага. Среди разнообразных форм дарения выделяются: обмен дарами (т. е. дарение в обмен на дар или иные виды ценностей и услуг: работу, похвалу, благопожелание, помощь, ср. серб. *дар* и *ударје* 'ответный подарок', рус. *дар* и *отдарок*); р а з д а ч а (разделение) неких предметов, пищи между многими людьми, также потенциально в обмен на услуги или обязательства со стороны принимающего (материальные, моральные), и собственно п е р е д а ч а дара адресату. С функционально-семантической точки зрения дар может получать значение жертвы, вознаграждения (угощения, платы или выкупа), может быть магическим средством наделения благом и умножения благосостояния и знаком определенного отношения к адресату (ср. укр. *подарувати гарбуза* 'отказаться при сватовстве').

Основной предмет дара у славян — хлеб (зерно, мука, хлебные изделия), воплощающий богатство, жизненную силу и долю и, в свою очередь, представляющий собой «Божий дар» (ср. в.-слав. «хлеб дар Божий», чеш. *Boží dar* 'хлеб', *Boží dárky* 'пасхальные фигурные хлебные изделия'). К предметам дарения принадлежат также скот, домашняя птица, полотно, одежда, посуда, мед, молочные продукты. Особое место занимают **деньги**, заменяющие другие предметы дарения или сосуществующие с ними.

Наиболее широкий круг ритуализованных контекстов дара связывает его с мифопоэтическим концептом доли. Сама судьба мыслится как данная человеку Богом, ср. *Бог судьбу дает (дарит, наделяет)*, или полученная от родителей, ср. в свадебном причитании: «Ты скажи, скажи, моя матушка родная, ты каким меня и счастием наделила?» (см. **Доля**). Дарение как ритуальная форма чаще встречается в семейных обрядах: родинно-крестинном, свадебном и похоронном. Среди иных сфер ф у н к ц и о н и р о в а н и я дара отметим обходные обряды, Пасху и Юрьев день, а также многие окказиональные и этикетно-бытовые ситуации.

Для традиционной культуры характерно неразличение понятий «дарить» и «давать», ср. рус. *дары давать* 'подавать милостыню', болг. *подавки* 'хлебы, предназначенные для одаривания родственников и знакомых в Юрьев день', рус. *платки давать* 'дарить жениху платок после рукобитья', *Даруй, Господи* и *Дай, Господи* как взаимо-

заменяемые начальные формулы заговоров и молитв. Однако в отличие от отдавания чего-либо из дома (в том числе давания взаймы) дар воспринимается не как потеря, а как залог будущей прибыли. Поэтому у славян практически отсутствуют запреты дарить что-либо в праздники семейного или календарного цикла и хозяйственного года (Сочельник, родины, свадьбы, похороны, день первого уdoa, улова), столь актуальные для одалживания. См. **Давать взаймы, Угощать**.

В мифопоэтическом аспекте дарение соотносится с идеями приумножения, ср. пол. *darzyć się* 'умножаться, плодиться', чеш. *dařiti se* 'родиться, расти', а также 'ладиться, удаваться', и является магическим способом обеспечения прибыли и богатства. На Витебщине кумовья, возвращающиеся после крестин из церкви, по дороге обменивались символическими подарками, чтобы их крестнику в течение жизни «подарунки ишли». В подобных случаях Д. противопоставлен реальному обмену ценностями (аналогичному ситуации «дар = плата»). В Заонежье полагали, что если после продажи у бывшего хозяина скот перестал вестись, значит, покупатель похитил навоз, а с ним и «счастье» скота. Избавлением от этого могло стать «безвыкупное» (*от всего сердца*) дарение кем-нибудь из родственников хотя бы одной овцы.

С идеей приумножения связывается обязательное дарение первых продуктов или плодов (фруктов, молока, овощей, зерна, меда и др.). Считалось, что торговые операции могут отрицательно сказаться на пчелах и производстве меда, поэтому мед (особенно первый), а также первый рой предпочитали дарить кому-нибудь в надежде, что пчелы будут роиться и принесут много меда. Успех будущего и всех последующих урожаев (приплодов и др.) зачастую ставили в зависимость от адресата дарения, поэтому первые фрукты с плодовых деревьев дарили многодетной матери или беременной женщине, но никогда — старухе или бездетной.

Однако чаще дарение первых плодов приобретало в обрядах характер жертвы. Их предназначали церкви и священнослужителям. В Силезских Бескидах первое надоенное весной у овец молоко отдавали кендзю или посторонним; в юж. Болгарии первый кусок **курбана** отдавали путнику, проходившему через село, а также нищим; в Заонежье по возвращении с первого лова рыбак одаривал

«одиноких и убогих, чтобы впредь ловилась рыба» (Лог.МКЗ:41). Обычай одаривания первыми плодами нищих, гостей и посторонних соотносится с представлениями о странствующем Боге и обратимости дара (см. **Гость, Посторонние**).

Дар как жертва занимает особое место в кругу отношений человека с духами и миром природы. Особенно популярным было «одаривание воды», практикуемое в оздоровительных, профилактических и апотропических целях. Чехи кидали в колодез остатков рождественского ужина, говоря: «*Studničko, pesu ti štědrého večera, abyš nám dobrou vodu dávala*» [Колодец, несем тебе рождественский ужин, чтобы ты нам давал хорошую воду] (Vyk.RSS:16), ср. в белорусском заговоре: «Крынічка Магдалина <...> дарую я цябе хлебам і соллю, надары рабуя кароўку добрым здароўем, жоўтым маслам, белым сырам» (Зам., № 194). У старообрядцев Верхокамья сохранился обычай *дарить речку*, т. е. бросать в нее нитку при начале ледохода. На северо-востоке Европейской России на третий день свадьбы молодые *далили воду* — бросали в колодез хлеб, чтобы вода с любовью приняла нового члена семьи. Дар — одна из форм общения с демоническими существами, рассчитанная на получение чего-либо взамен, ср. в заговоре: «Криксы, криксы, дарую я вас хлебом-солью... даруяца мойго дзицяци добрым здорвьем и сном» (Ром.БС 5:32).

Особое место среди жертв занимают дары, приносимые в церковь, а также к различным культовым местам. В России было популярно одаривание Параскевы Пятницы нитками и шерстью. Женщины, приносящие эти дары, сопровождали их пожеланиями: «Угоднице на чулочки!», «Матушке Пятнице на передничек!» В Словении дети, первый раз пришедшие в церковь в Страстную пятницу к «Божьему гробу», приносили монету и клали ее перед крестом, сыпали пшеницу на гроб Господень, ставили к алтарю масло. Большой известностью пользовался обычай возлагать дары (в виде одежды, полотенца, пищи, денег) к почитаемым деревьям, в роши, к камням, источникам (см. **Дерево культовое, Культовые места**).

Во множестве бытовых, этикетных и ритуальных ситуаций дар становился знаком установления определенных отношений между дарителем и реципиентом, в результате чего каждый из партнеров приобретал новую

для себя социальную роль, статус. Обмен подарками был главным эпизодом **кумления**, ср. взаимное одаривание девушек на Троицу кольцами или платками, обмен нательными крестами при установлении побратимства. У зап. славян, хорватов и словенцев крашенные яйца на Пасху выступали в функции любовного знака: даря их друг другу, девушка и парень тем самым выражали взаимную симпатию, а непринятие такого подарка расценивалось как отказ в чувстве. На крестины и свадьбу повсеместно было принято приглашать гостей, преподнося им хлеб, полотенце, яблоки, носки, платки, ср. серб. *зовати јабуком, зовати колачем*.

Дарение как один из видов оплаты фигурирует во всех семейных, календарных и окказиональных обрядах. Жницы, участвующие в толоке, по окончании работы получают не только угощение или прямую оплату, но и нередко специальные подарки (вязаные чулки, полотенце, хлеб). Одаривание/вознаграждение колядников является структурообразующим элементом календарного обхода: хозяева (хорошо или плохо) одаривают колядников, посетивших их дома, в ответ на что колядники адресуют хозяевам благопожелания или проклятия. Подобным образом одаривают и исполнителей магических операций. У македонцев в Сочельник отец по очереди посылал детей к очагу посмотреть, не прогорел ли **бадняк**, за что одаривал их сладостями, фруктами и деньгами. На Пинцине (Белоруссия) «подарить слепца» означало дать пасхальное яйцо слепцу, читающему на кладбище молитвы в Светлый четверг. Аналогичный характер имеет и вознаграждение священнослужителей. В Штирии (Словения) перед Пасхой священник сам обходил дома прихожан и благословлял пасхальные блюда, получая в дар еду и деньги. См. **Выкуп**.

Одной из наиболее известных форм дарения была рздача продуктов, пищи, вещей и др. Идея приобщения каждого к общей доле и представление о возможности ее перераспределения между членами социума, выраженное в форме дарения каждому части того, что принадлежит всем, пронизывают семейную обрядность, а также некоторые календарные ритуалы, ср. пасхальные обычаи делить скоромную пищу за завтраком во время разговления; разрезать одно яйцо на части по количеству членов семьи; «молить пасху», т. е. наделять в церкви всех прихожан кусочками

доры в Фомино воскресенье; обмениваться подарками при хождении в гости в течение всей пасхальной недели; разносить на Пасху еду в дар соседям. У юж. славян широко известны обычаи «преломления» обрядового хлеба (калача и др.) и разделения его между всеми членами семьи во время календарных праздников (особенно часто в Сочельник, Юрьев день и семейно-родовой праздник «слава»). Так, у болгар Вост. Фракии (окр. Лозенграда) **кукеры** во время обхода села разламывали лепешку с запеченной внутри старой монетой и одаривали всех кусками; по этим кускам предсказывали хозяйственные успехи. Если кусок с монетой доставался земледельцу, то ожидали хорошего урожая; если овчару — много молока и шерсти; если ремесленнику — рассчитывали, что будет удачно продаваться посуда.

Важным аспектом ритуалов, связанных с раздачей (прежде всего пищи), является приобщение к доле тех, кто отстранен от нее вообще или в данный момент жизни. У македонцев накануне «славы» хозяйка варила коливо и посылала его вместе с просфорами своим ближайшим друзьям и родственникам, которые не праздновали «славу» в этот день.

Раздача подарков, адресованных главным образом детям, широко практиковалась в цикле зимних и пасхальных праздников преимущественно на западе славянского мира. Среди зимних обычаев наиболее заметны подарки «от св. Николая», который якобы кладет детям подарки в выставленную детскую обувь. Эти подарки состояли из сладостей, сушеных фруктов или из прутьев, символизирующих розги, если ребенок плохо вел себя. Подарки подкладывали сами матери или участники обходных обрядов, посещающие дома в **адвент**. Святочные подарки принесил «Божич» (у словенцев), «гвяздка» (дружина обходников у поляков), «куляши» — черти (на Вологодчине), «Христос» (у словаков) и др. Рождественские и новогодние подарки часто помещали под **деревом рождественским**. Пасхальные подарки для детей (в виде сладких пряников, конфет и пасхальных яиц), также популярные на западе, родители выкладывали на свежую зелень, специально пророшенную детьми в маленьких коробочках, или же прямо на землю, в саду или на поле. Обычно детям объясняли, что эти подарки принес зайчик (у поляков), жаворонок (в Чехии и Моравии). Якобы от животных (зайчика, лисички и др.)

исходили и небольшие подарки, которые родители приносили домой детям, вернувшись откуда-то со стороны: с поля по завершении жатвенных работ (это могли быть остатки хлеба), из города, с промыслов.

Чаще раздача даров (пищи прежде всего) имела место в комплексе поминальных обрядов (сороковин и календарных), связанных с приобщением умерших к доле, с передачей им того, чем они обделены на том свете, а также с символическим объединением социума перед лицом постигшей его утраты. По болгарским поверьям (окр. Самокова), в рай перед каждой душой стоит стол, на котором лежит всё то, что умерший дарил другим при жизни, и то, что раздавали и подали его близкие в память о нем. Аналогичные представления известны всем славянским народам: «Если я даю нищему, так когда я умру, мой стол не буде голый на том свете. Бог так скажет: как ты давал, так и тебе надо дать» (ПА, гомел.). Поминальное угощение нищих и посторонних — способ обеспечить душе умершего место в Царстве Небесном. Гуцулы, например, в Троицкую субботу одаривали на кладбище бедняков, говоря: «Най Бог прийме перед душі мого тата (ім'я), мамі!..» <...> «Перед душі» представляють собі гуцули так, що тото усе, чим обдарували других, стоїть там у небі перед Господом Богом, а за тим душа того, за чію подали» (Шух.Г 4:251).

Широко распространен обычай раздавать во время поминок *коливо* или *дару* (воспринимаемые как дар по усопшему), хлеб и кашу — *za dusze zmarlych* (у поляков), а во время похорон — милостыню: «дары» на помин души с тем, чтобы каждый принявший ее взял на себя часть грехов умершего или молился за последнего (у русских). В Македонии весной на могилах раздавали цветы, хранимые затем у икон. У юж. славян во время весенних праздников у церквей раздавали маленькие хлебцы на помин умерших, а в Юрьев день — молоко и ягнятину.

Семейные обряды — родинно-крестинный, свадебный и похоронный — реализуют, как правило, не одну, а несколько функций дара.

Во время похорон дар, предназначенный умершему, связан с представлениями о его посмертном существовании. Вещи, продукты и монеты помещали в гроб, вешали на дерево у могилы или клали сначала рядом с гробом, а затем раздавали нищим, детям

(если это фрукты и сладости). Вещи покойного отдавали его друзьям, родственникам и всем, кто присутствовал на похоронах; делали это в память об усопшем, а также с целью возложить на принявшего подарок моральную обязанность поминать умершего. Подарки для пришедших на похороны иногда готовили заранее. В Приуралье на похоронах женщины раздавали подшальники или ткань на фартуки, а на похоронах мужчины — носовые платки или ткань на рубашку. Особый подарок полагался человеку, первым встретившему на дороге похоронную процессию (см. **Встреча**).

Был также известен обычай «тайной милостыни», когда родные покойника, желая, чтобы он был помянут, относили еду односельчанам или незаметно оставляли на пороге. Это делали после похорон, в поминальные дни или по случаю: если, например, кому-нибудь из домохозяев снился умерший. На похоронах принято было вознаграждать подарками (а не деньгами) тех, кто принимал участие в обряде и обмывании покойника, копал могилу, делал гроб, читал над ним по ночам молитвы, пел псалмы и т. д. Им отдавали одежду покойного: рубаху, платок, белье, штаны, резе зерно, хлеб, вино и т. д.; им же переходили вещи, бывшие в соприкосновении с покойным, например, полотно, из которого были сделаны погребальные носилки, полотенец, которым был обвязан крест, полотно, которым выстилали дорогу перед гробом. Эта практика получала разные толкования: русский (владимирский) обычай *дарить одёжу* объясняли тем, что якобы «покойник зябнет там», и чтобы он не мерз, кто-то должен носить его одежду (ЭО 1914/3—4:93). В Пермском крае одежду покойника складывали в специальную котомку и отдавали обмывальнице, а затем падали ей в ноги и, обращаясь к ней как к умершему, причитали: «Прощается с тобой твоё дитяtko (мама, тятя и т. д.)» (ПЗП:304).

В комплексе родинно-крестинных обрядов актуализировались смыслы, связанные, во-первых, с наречением и наделением новорожденного долей и судьбой, а во-вторых, с его социализацией, установлением отношений с окружающими. Сама доля нередко воспринималась как дар — либо со стороны божеств судьбы типа **суджениц**, либо непосредственно от Бога, ср. распространённую практику с охотой идти в крестные к незаконнорожденному, поскольку не

только он сам получает счастье от Бога, но и дарит это счастье и долю своим крестным родителям. Во время обрядовых эпизодов родинно-крестинного комплекса имело место одаривание новорожденного, часто в лице его родителей. Одаривание начиналось с первых визитов к роженице ее родственниц и соседей и продолжалось вплоть до крестин, когда любой пришедший проведать роженицу с новорожденным обязан был «подарить ребенка» чем-либо (хлебом, зерном, пирогом, калачом, деньгами, молочными продуктами, ложкой, рубашкой, носочками, мясом, квасом, тканью и др.), ср. название таких ритуальных визитов: рус. *приносить на зубок, приносить на кашу*, морав. *do vinka, do podušky, na košelku*. Того, кто не принес подарка, наказывали, например, забрасывали его шапку за печь, а лицо чернили сажей (серб.). От соблюдения правил обращения с даром, предназначенным новорожденному, зависела его судьба и здоровье: еду роженица должна съесть быстро и с охотой, чтобы ребенок хорошо ел (у русских) и впоследствии начал бы делать все, чему его учили, быстро и умело (у белорусов). Ленгу, которую новорожденный получил от крестных родителей, мать сохраняла весь первый год его жизни, чтобы у нее было много молока, а ребенок хорошо рос (серб.). В родинно-крестинных обрядах происходил постоянный обмен подарками между родителями новорожденного и крестными, а также родственниками и знакомыми; между родителями и гостями на крестинах или при первом пострижении волос и т. д. Таким способом ребенок включался в систему отношений — с родственниками, соседями, что было первым этапом его социальной адаптации.

В той же группе обрядов дарение выступает и как форма оплаты за услуги повитухи, которой давали хлеб, зерно, ткань, рубаху, полотенца, мыло. Одаривание повитухи продолжается и позже: в первую годовщину ребенка мать приносила ей хлеб и материю на одежду, а затем каждый год в определенный день матери вместе с детьми, которых она «бабила», навещали и одаривали ее (см. **Бабин день, Повитуха**).

Наиболее сложной и многоступенчатой представляется система дарообмена в свадебном обряде, в котором выделяются, во-первых, обмен дарами между всеми участвующими в свадьбе сторонами и лицами и, во-вторых, одаривание новобрачных.

Стороны жениха и невесты постоянно обмениваются подарками, что является способом преодоления исходного отчуждения между родами невесты и жениха и установления родства. Обмен между семьями ведется как в течение всего предсвадебного периода, так и на свадьбе и даже по ее завершении. У сербов в обл. Фрушка Гора при сватовстве отец, обращаясь к дочери, говорил: «Ајдете, децо, ако сте по вољи једно другом, даривајте се» [Давайте, дети, если вы нравитесь друг другу, одаривайте друг друга]. Если девушка была согласна, она дарила жениху сумку или рубашку, а он ей деньги, после чего они отправлялись на исповедь в церковь и там вновь обменивались подарками: это называлось *обновити дар* (Шк.ЖОП:104). Во время предсвадебных церемоний невеста одаривала родителей жениха (например, при входе к нему в дом) и его самого, а жених — невесту, ее родителей, дружку, а также подруг невесты: он посылал угощения и сладости на девичник, одаривал девушек после исполнения величальных песен молодым. Сама невеста одаривала своих подруг после приготовления приданого, после бани, после ее наряжения к венцу. Не менее активными участниками обмена дарами были родители жениха и невесты: мать невесты несколько раз одаривала жениха, а свекровь — невестку, особенно при появлении той в доме мужа (чтобы молодые богаче жили). Подарки, которыми обменивались стороны на свадьбе, нередко имели специальный смысл. В окр. Ниша (Сербия) после сговора жених дарил теще *дремнину* — дар в виде денег и продуктов — в благодарность за то, «што се мучила — дремала, док је ћерку чувала» [что она мучилась — недосыпала, когда растила дочь] (ГЕМБ 1936/11:163). Если после свадьбы выяснялось, что невеста «нечестная», жених привозил теще в дар разорванный платок (у русских).

Одаривание же самих молодоженов имеет место преимущественно на свадебном пиру, т. е. совершается тогда, когда обе стороны пришли к согласию и когда жених и невеста представляют уже не два отдельных рода (семьи), а самостоятельную социальную единицу. Каждый дар, преподносимый молодоженам, имел не просто материальную ценность, он сопровождался **благопожеланием**, раскрывающим его смысл, а также становился символом связей новой семьи с социумом, знаком богатства, престижа. Именно поэтому

отношение к свадебным подаркам было бережным: их сохраняли в течение всей жизни, передавали по наследству сыну или дочери.

Иногда одаривание молодоженов начиналось с того, что невеста обращалась к отцу и всем родственникам с просьбой одарить (*наделити*) их: «Радительница, ронная матушка, кармилиць ронный батюшка, падыйдити к дубову столику, к убранай скатертьти, надялители мяне, младешыньку, на Божай путь пайти, щасья атведать!» (Ром.БС 8:441). После этого молодых одаривали родители, затем родственники жениха и невесты, а потом гости. При этом гостей угощали куском каравая или калача (ср. морав. *dařiti do kolače*, з.-рус. *дарить на каравай*) или водкой, в обмен на что они вручали подарок или объявляли о нем. В Белоруссии, выпивая рюмку, гость говорил: «Напивая вам авечку! Прииждайтя и выбирайтя!» (Ром.БС 8:391). См. также **Приданое**.

Дары молодоженам продолжались и после свадьбы, обычно в течение первого года. У русских на Масленицу молодым дарили посуду, окончательно «отвязывая» их от родителей. В Поволжье отец и мать посещали вышедшую замуж дочь в Петров день, привозя ей специально сделанные вилы и грабли — для первого покоса в новой семье. В Шумадии (Сербия) родители посещали молодоженов в день Сорока мучеников, называемый *Младенци*, и носили им *поновак* — дар, состоящий из овцы с ягненком, а также посуду. Во многих южнославянских традициях посещение и одаривание молодоженов было приурочено к Юрьеву дню.

На свадьбе положено было подносить подарки гостям. Эти подарки (платки, рубахи, носки и иные предметы одежды) невеста готовила накануне свадьбы вместе с подругами (называемыми, например, у русских поморов *даровщицами*).

Лит.: Иванов В. В. Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // СБЯ 1975:50–78; Рикман Э. А. Место даров и жертв в календарной обрядности // КОО 4:173–182; Fijač Z. Analiza sistema wymiany darów we wsi Odrowąż na Podhalu // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Etnograficzne 1981/14:45–57; Maj M. Rola daru w obrzędzie weselnym. Wrocław, 1986; Kulturowa funkcja daru. Kraków, 1988; Godula R. Od Mikołaja do Trzech króli. O roli daru w obrzędzie. Kraków, 1994.

Т. А. Агапкина

ДВА — элемент числового кода (см. **Число**), символизирует парность, четность (см. **Чет — нечет**), удвоение и раздвоение, двойничество; в народных верованиях получает противоречивую оценку: считается опасным, дьявольским числом, ассоциируется со смертью, но может иметь и положительное значение единения, удвоения блага и т. п. (в матримониальной, хозяйственной, отгонной и др. магии).

Два одинаковых предмета, двойные или сдвоенные предметы могли, по народным поверьям, принести несчастье и смерть. Белорусы на Витебщине верили, что если курица снесет в один день два яйца, то это сулит смерть одного из членов семьи. Болгары ожидали смерти также и тогда, когда курица несла яйцо с двумя желтками (родоп.). Сербы в этом случае предсказывали рождение близнецов у хозяйки, что оценивалось негативно (см. **Близнецы**). Опасным считалось одновременное пребывание на небе двух светил — солнца и луны: в это время нельзя было сеять, иначе погибнет урожай (пол., серб.). Карпатские овцеводы запрещали вносить второй источник света в дом («бо хліб попукає [потрескается], а як хліб пукне, та того не на добро») и в загон для овец («бо шкода ся робит»), считая, что это делают лишь колдуны (СБФ 1984:263). Болгары в окрестностях Видина в случае, если по недосмотру в доме горели две свечи, говорили: «роди се еврейче» [букв. «родился еврейский ребенок», так называли некрещеного или внебрачного ребенка, см. **Иноходец**] (СбНУ 1926/36:156). Сербы следили за тем, чтобы лучина не была зажжена с обеих сторон; если же это случалось, надо было бросить огарок в воду.

Точно так же считалось опасным и запрещалось д в у м л и ц а м одновременно совершать одно и то же действие. Сербы не позволяли двоим одновременно пить воду, полагая, что в этом случае пьющие и умрут вместе, так как «один у другого пьет кровь» (Тимок, ГЕМБ 1933/8:66), одновременно вставать из-за стола, вдвоем разжигать огонь и др. Широко распространен запрет вдвоем переносить или качать колыбель, т. к. это могло нанести вред младенцу; у всех славян не рекомендуется mesti пол в две метлы, не допускается одновременно выгирать руки одним полотенцем и т. п. На Карпатах запрещалось двум женщинам вместе стирать (бить вальком) белье в период от **Введения** до девятого четверга по Пасхе из опасения, что град побьет посевы.

Плохим знаком считалась и **встреча** двух лиц, тождественных по своему социальному или иному положению, например, двух сватов или двух невест (по сербскому поверью, одна из них останется бездетной), двух рожениц, в один день разрешившихся от бремени (им вообще предписывалось не видеться друг с другом, чтобы у них не пропало молоко, — серб.), двух матерей с младенцами на руках (о.-слав.; по полесскому поверью, от этого у ребенка может быть болезнь *знос*). При встрече двух свадебных процессий ни одна из них не хотела уступить другой дорогу, и между ними нередко затевалась драка, вплоть до побоищ со смертельным исходом (ср. серб. *сватовско гробље* «кладбище сватов»), столь же остро могла протекать встреча двух кукерских дружин и других обрядовых групп (см. **Кукеры**).

Тот же смысл имеет запрет д в а ж д ы совершать какое-либо действие, повторять его. Повсеместно у славян распространено верование в дурной глаз тех, кого ребенком дважды отнимали от груди (болг. *повторено дете*), кто «обмирал» (впадал в летаргический сон), а затем вернулся к жизни (серб.). Исполнение магических ритуалов не поручалось женщинам, бывшим замужем дважды (болг. *повторена жена*). Украинцы остерегались повторно сажать в печь хлеб, избегали этого, даже если вынутый хлеб оказался недопеченным, так как верили, что сделавший это будет «дважды умирать» (Загл.ХСЧ:142). Вместе с тем человек, поевший хлеб, дважды побывавший в печи, приобретал магическую способность противостоять водяному (словац.). По широко распространенному представлению, нельзя, не доев одного куска хлеба, начинать другой, нельзя дважды задавать вопрос о благополучии скота (карпат.) и т. п. В ряде случаев повторение какого-либо действия применялось как способ нейтрализовать его нежелательные последствия или «отменить» его. Например, по сербским верованиям, нельзя переступать через ребенка, иначе он перестанет расти; если же это случилось, необходимо переступить еще раз (ср. распространенный в быту обычай, по которому нечаянно столкнувшиеся головами должны во избежание неприятности сделать это еще раз; ср. также отношение к подобной ситуации сербское выражение *молим и други пут* [прошу еще раз]).

Отрицательное отношение к подобным действиям, лицам и ситуациям объясняется страхом перед всяким «удвоением», трактуемым в

свете кардинальной оппозиции земного и загробного мира как опасная неопределенность, существование одновременно в обоих мирах, непризнание границы, разделяющей эти миры и гарантирующей их устойчивость. С этим связана и «потусторонняя» символика **зеркала**, трактова как отражения в воде (в колодце) и др. К этому же кругу представлений относится восприятие беременной женщины как опасной из-за присутствия в ней двух душ. По сербскому обычаю, женщина, ожидающая ребенка от первого мужа, не должна венчаться со вторым мужем, так как в этом случае «венчались бы две души с одним человеком» (Мил.ЖСС:194). См. **Беременность**. Еще ярче отношение к раздвоенности выражено в народных верованиях о демонической природе **двоедушников**, об упырях, обладающих двумя сердцами (укр.) или двумя душами (пол.). Ср. также устойчивую отрицательную оценку **вторника** в традиции юж. славян (макед. *вторник-повторник*).

Особенно большое значение придавалось символике числа «два» в погребальных обрядах и в верованиях, относящихся к смерти. Сербь были убеждены, что в семье, где в течение одного года случились две смерти, непременно будет третий покойник, ибо «первые два его зовут» (Мил.ЖСС:336). Для предотвращения этого при похоронах второго умершего закапывали в могилу куклу, «замещающую» третьего покойника; закалывали барана или петуха, а голову жертвенного животного хоронили вместе со вторым умершим. Из того же страха перед двумя смертями болгары Каменицы (Кюстендилский край) в день погребения не кололи **курбан**, так как нельзя было допустить, чтобы «две души вместе отправлялись на тот свет» (Зах.К:261). По поверьям сербов вост. Сербии (Сврлиг), третья смерть должна наступить потому, что «на том свете не принимают четное число» (Вас. ВОС:54). В то же время в ритуалах, «адресованных» миру мертвых, часто использовалась символика двоичности. Сербь Неготинской Краины, желая облегчить агонию умирающему, поили его «двойной» водой, взятой с места слияния двух рек или потоков, выпекающих из двух источников; водой, принесенной с двух холмов, и т. п. В Лесковацкой Мораве перед выносом тела из дома ставили в ноги умершему скамеечку с двумя зажженными свечами и на поминках также зажигали две свечи. На Рус. Севере было принято, обмывая покойника, дважды намыливать его

(Барс.ПСК 1:247). В южнославянских обрядах похорон детей числовая символика могла использоваться для передачи половозрастных различий, например, трижды звонили колоколом по умершему мужчине, дважды — по женщине и один раз — по ребенку.

Демонический и иномирный характер числа «два» выражен в болгарской поговорке: «Ако палиш Богу една свещ, на дявола две пали» [Если возжигаешь Богу одну свечу, то черту ставь две]. Желая расположить к себе лешего, надо было пойти в лес, срубить толстую сосну, так чтобы она при падении уронила две хотя бы небольшие осины, на которые надо было встать и, оборотясь лицом к северу, предложить лешему дружбу (Майк.ВЗ:161). Особенно опасным оружием **двоедушников-здухачей** были лучины, зажженные с двух сторон, которыми наносились смертельные ранения. Опасными и принадлежащими миру нечистой силы считались деревья с раздвоенными стволами или два дерева, выросшие из одного корня, рогатые палки и т. п. Но эти же раздвоенные предметы служили магическим орудием против злых сил: при **опахивании** пользовались ралом, изготовленным из раздвоенного дерева, рогатой палкой погоняли волов-близнецов; через раздвоенный ствол дерева трижды протаскивали больного и т. п.

По верованиям словенцев, собака с «двойными» глазами (с темными кругами под глазами) способна увидеть смерть, при этом она начинает выть и скулить. Болгары-мусульмане в Родопах уверены, что с демоном «дракусом» может расправиться такая «четырёхглазая» собака. По белорусскому поверью, человек, обратившийся в волка по собственному желанию, обладает двумя парами глаз — на лице и на затылке (Богд.ПДМ:145).

Демонический характер двоичности ярко проявляется в верованиях о том, что черта и другую нечисть можно сразить только одним ударом: если же ударить дважды, он снова оживет и даже удвоится. Сербь уверены, что если ударить дьявола один раз, он станет просить, чтобы ты ударил еще раз, и тогда из одного дьявола получится два; если же не ударить второй раз, то он погибнет. Так же, одним ударом, следует убивать змею. Близкие к этому представления известны в Закарпатье, где существует такой способ опознания ведьмы: «Надо взять палку и, увидев перед собой собаку или кошку, ударить ее один раз левой рукой. Больше одного раза бить нельзя.

Как только ее ударишь, она примет человеческий облик и будет умолять: “Миленький мой, ударь меня еще раз!” Но этого никак нельзя делать!» (Бог.ВТНИ:282). Подобные верования были обнаружены и у русских (Курская губ., Зел.ОРАГО 2:676).

Мотив «черта-с-два» нашел отражение в фольклоре юж. и вост. славян. В западноболгарской эпической песне добрый молодец ударяет своего противника булавой, тот падает с коня и умоляет ударить его еще раз, но молодец отказывается, и его противник погибает. В русской былине богатыри сражаются с «силой нездешней» и терпят поражение, потому что от каждого удара противники удваивались, и их число все росло и росло, богатыри же побежали в горы и окаменели; «с тех пор и перевелись богатыри на Святой Руси» (ЖС 1996/4:36—37).

Вместе с тем число «два» наделяется отгонной магической силой и используется для защиты от демонов. По народным верованиям, черти боятся петуха потому, что он дважды рожден, ср. загадку о петухе: «Два раза родится, ни разу не крестится, а черт его боится». Если в семье «не держались» дети, новорожденному следовало дать два имени, например Петро и Адам, или дважды окрестить его (полес.). Русские Пензенской губ. для исцеления ребенка от «собачьей старости» купали в одной воде щенка и ребенка, затем парили их вместе на полке, ударяя венником по ребенку раз, а по щенку — два раза (Попов // РЗ:242). Защитный ритуал опаживания села в случае эпидемии чумы совершался у юж. славян двумя братьями-близнецами на двух волах-близнецах; обыденное полотно для подобных же охранительных и отгонных целей должны были изготавливать две сестры, и т. п. В Купянском у. Харьковской губ. в обряде опаживания участвовали две девушки, которые запрягались в борону, и еще две девушки, сопровождавшие их. Для лечения «навьей кости» рекомендовалось, увидев двух людей, едущих на одной лошади верхом, сказать: «Двое вас, двое нас, возьмите навью кость у нас» (Попов // Тор.РНМ:387); аналогично лечили **бородавки**. У сербов магической силой наделялся хлеб, замешенный на молоке одновременно кормящих матери и дочери. Широко распространен отгон нечистой силы и болезней с помощью двух предметов или орудий, между которыми пропускается, протаскивается или помещается защищаемый

объект: скот прогоняется между двух огней (костров, факелов или свечей), между чесальными гребнями; новорожденного укладывают между составленных гребней, и т. п. В любовной магии сербские девушки, чтобы привлечь к себе парня, незаметно заставляли его пройти между двумя косточками испеченной специально для этой цели лягушки (см. **Сквозь**). Двойные или парные предметы могли использоваться и во вредоносной магии: те же гребни ставили по обеим сторонам пути жениха и невесты во время свадьбы, а затем соединяли их и прятали, чтобы молодые ссорились; так же могли использоваться **замок** и **ключ** и др.

Другой ряд негативных символических значений числа «два» связан с представлением о парности, о паре (предметов, лиц, состояний) как нераздельном **ц е л о м**, на которое приходится одна «доля», единая порция земного блага. Ярким примером такой трактовки служат общеславянские верования о **близнецах**, южнославянские верования и обряды, относящиеся к «**одномесечникам**» и «**однодневникам**» (лицам, родившимся в один месяц или в один день недели), побратимам (см. **Побратимство**), тезкам и др. лицам, наделенным, по народным представлениям, единой судьбой и одной на двоих жизненной силой. В народном понятии о «двужилых» людях (и лошадях) можно видеть «обратное» отражение этого же верования (там одна доля на двоих, здесь две доли на одного). См. **Доля**. Считалось, что у таких людей кровь проходит по двум жилам, поэтому они живут двумя жизнями (Поп. РНБМ:14). Во всех славянских традициях встречается запрет называть двух детей в одной семье одинаковыми именами или вообще давать новорожденному имя, которое уже носит кто-либо из членов семьи или рода, т. к., по поверью, один «сживет со свету другого» (см. **Имя**).

Особый характер родственной связи, основанной на идее парности, придается в народном календаре так называемым «парным» **святым** и посвященным им дням (Афанасий зимний и летний, Никола вешний и зимний, Юрий весенний и осенний и т. п.), так же как и некоторым другим симметричным в годовом цикле дням и периодам, не подкрепленным общностью имен. См. **Календарь народный**. К этому же кругу представлений можно отнести некоторые более частные случаи. У белорусов Могилевской губ. «существует поверье, что если на двух соседних полях одновременно